

Лидия Григорьева

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

СНОВИДЕНИЕ
В САДУ

Лидия Николаевна Григорьева

Сновидение в саду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051077

Сновидение в саду Книга стихотворений:

ISBN 978-5-91627-017-4

Аннотация

Лидия Григорьева – известный русский поэт, эссеист, культуролог. Автор десяти книг и двух романов в стихах, изданных в России и за рубежом, среди которых «Свет виноградный», «Круг общения», «Сумасшедший садовник», «Воспитание сада», «Небожитель» и др.

Она член Союза российских писателей, Всемирной Академии Искусства и Культуры, Европейского Общества культуры, Международного Пен-клуба. Автор и ведущая многих литературных радиопрограмм на Российском радио и радио Бибиси, а также телевизионных программ и фильмов «Цветаева в Лондоне», «Гумилев в Лондоне», «Скрябин в Лондоне», «Сны Веры Павловны», «Станица Лондонская» и др. Л. Григорьева известный фотохудожник; по отзывам прессы ее работы – это сплав поэзии и философии с фотографией. Ее стихи переведены на японский, китайский, английский, венгерский, словацкий, чешский, французский, арабский и другие языки.

Содержание

«Поэзия садов»	7
«Слова поставь на полку, где стоят...»	21
Степной псалом	22
Серебряный век	22
«Вот зимний, пагубный, венозный...»	24
Базар	25
Поток времен	27
Степной псалом	30
Шостакович	32
Байрон в Венеции	34
Качели	36
Под грецким орехом	37
Вдвоём	38
«Как ты живешь, волче?...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лидия Григорьева
Сновидение в саду
Книга стихотворений

Лидия Григорьева родилась на Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, среднюю школу закончила в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы жила в Москве, занималась литературным трудом. В восьмидесятих годах была автором и ведущей литературных программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. Живет в Лондоне и Москве.

«Поэзия садов»

По какой-то странной логике соответствий, сопродных то ли национальному темпераменту, то ли человеческому вообще, кажется совершенно естественным, что, уснув в саду, я увижу во сне степь. И виной тому – не наследие Срединной империи Чингизидов, в любом относительно спокойном месте видевших разве что возможность передышки перед следующим броском, а обычная эстетическая предрасположенность заставляющая попавшего в изобилие тянуться к скудности. Неважно, о каком изобилии идет речь: вещественном, эмоциональном или просто пышности флоры и фауны, которые предполагает существование Сада. Изгнанные из него когда-то, мы на протяжении своей истории к нему и стремимся, идеализируя далекие свободные материки или ушедшие эпохи. Попавшей когда-то в один из садов цивилизации Лидии Григорьевой тоже снятся «ковыль да молочай, полынь да мята», «сухие стебли старых слов», что «горят костра посредь». В одном из стихотворений она приводит строки Григория Сковороды, видимо, выражающие для нее идеал земного существования:

«Не пойду в город богатый.
Я буду в полях жить,
Буду век мой коротати,

где тихо время бежит».

За простотой этих слов стоит опыт, понятный сейчас далеко не каждому: речь идет не о «бегстве на природу», даже не о порыве к уединению, а о состоявшемся мировоззрении, ведущем к полной смене координат с иными законами и течением времени.

«Как ты живешь, волче?» —
слышатся голоса.
Книги стоят молча,
тихие, как леса.

«Видишь, бредет лихо?
Волчью умерь прыть!».
Книги стоят тихо,
если их не открыть.

Постоянное ощущение соседства сиюминутного и потустороннего, видимого и тайного, райских куц и волчьей степи. «Награда, к коей стремится человечество – отнюдь не счастье, будь оно бrenное или вечное... Я не скажу этого вслух, ибо человеку нравится верить, что он стремится к тому самому счастью, мимо которого постоянно проходит и которым пренебрегает – такая вера в некоторое потустороннее счастье его совершенно устраивает. Он не хочет остановиться и вкусить счастья; он весь в трудных, тяж-

ких делах, под коими погребено его сердце, – и при этом рассказывает себе сказку об этаким небесном чаепитии, тешась мыслью, что он – не просто он, но и что-то еще, и что там он увидится с друзьями... и по-прежнему будет любим – словно любовь не живет только лишь недостатками любимых, обретая дыханье в непрерывном прощенье ...» – пишет Р. Л. Стивенсон в одном из писем, намекая, что преимущественно мы живем и шумим лишь друг для друга, не очень-то нуждаясь в незыблемом и вечном. С поэтами, тем более настоящими, дело обстоит иначе. Мне кажется, они должны помнить о существовании высшего порядка вещей, тосковать о первозданном саде, принимая его присутствие в мире как само собой разумеющееся. Для поэзии Григорьевой это незримое присутствие иногда становится невыносимым.

«Ни за этой горой, ни за той —
нет судьбы, от тоски отрешенной...
Сад измучил меня красотой!
Обнаженной...

У небесного греясь костра,
я твержу себе снова и снова:
сад измучил меня до нутра!
Потайного...

...

Сад вошел за ограду стиха.
Прямо в душу вломилась без стука
этой муки любовной туга —
и наука...»

Григорьева не предается мечтам о Небесном Иерусалиме, она знает, что он есть, тот самый, и «среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов». Надежда и неизбежное признание факта – разные вещи. Избавление от иллюзий отнюдь не закрывает от нее красоты мира, в том — то и дело, что она способна принимать их в самом непосредственном и детском их воплощении: в виде цветов, которые она страстно взращивает в своем саду, или венецианских масок, которые она с таким же воодушевлением фотографирует. Охотник становится настоящим охотником, сливаясь с природой, почувствовав равновесие срединного пути. Фотограф, на мой взгляд, тоже делает лучшие свои снимки, щелкая камерой направо и налево, если в душе его воцарилась абсолютная пустота, сходная чем-то с отрешенностью, но все-таки иная, поскольку не имеет никакого отношения к психологии.

«Снимай, фотограф! Нам не суждено
узреть недостающее звено:
как сверху посыпая звездным сором,

не Я, не Он, а некое ОНО
нас держит в фокусе и щелкает затвором».

Она фотографирует и цветы: в каком-то смысле это единственный способ сохранить то, на что ушли долгие месяцы работы. В этом занятии мне видится веселая жертвенность создателей песчаных городов или глубокая медитативная бесстрастность тибетских монахов, изо дня в день складывающих модели Вселенной – мандалы, для того, чтобы в один прекрасный день их безжалостно разрушить.

«дабы вписался в кадр
вот этот блик предвечный

на лицах олеандр,
на заводи заречной.

...

Крыло ли за плечом
в азарте бьет заядлом...
А я здесь ни при чем,
а я всегда – за кадром».

Это – не ложная скромность. Это – позиция художника, который лишь фиксирует момент гармонии, созданной не им, с благодарностью за возможность в ней раствориться. Став европейским человеком, Лидия Григорьева приняла и впитала в себя многоцветную культуру наших образованных соседей, играет с ее этикетками и святынями, примеря-

ет к своему саду их звучные имена. «Камелия и Жозефина», «Гертруда», «Вивальди», «Байрон», «Принцесса в Веймаре» и даже «Фрейд в Лондоне», который «стариковал меж роз», эти значки европеизма поблескивают в текстах Григорьевой как игрушки на Рождественской елке, хотя понятно, что удерживаются они ветвями иного растения, и на ином празднике.

«Зачем я тюкаю по клавишам,
зачем упорствую в труде?
Не озабоченная Равенством,
Свободой, Братством и т. д?».

или

«...кто стихами полночными бредит,
забредя в заколдованный круг?..
Вот и жду, что на это ответит
мой китайский начитанный друг».

Не знаю, поможет ли ответить на эти вопросы китайская философия, но Восток в книге Григорьевой не туристический и не экзотический. Восток – душа Мира, незыблемый океан гармонии – и читая стихи Григорьевой, постоянно ловишь себя на мысли, что он вечно стоит у порога ее английского дома.

В книге пять частей: «Степной псалом», «Безумный фо-

тограф», «Шелковый путь», «Вечная тема» и «Любовный шок» – не берусь судить, в какой именно упомянутого Востока незримо больше, главное – что он нависает над всей архитектурой книги, как сад. Все правильно – рай находится на Востоке. Значит, все мы родом с Востока, восточные люди. Шостакович пишет Пятую симфонию, «и в нем простор необжитой зиял под тяжестью верблюжьих одеял», в Венеции «Как будто с барского плеча приспущенная, заблестала золототканая парча заплесневелого канала ...», «лунный лежал покров, звездный искрился иней там, где Дворец Ветров хвост распускал павлиний», «Ли Бо склонился над водой», «Холмы масличные – безлюдны....», «У Букингемского дворца чадит цветочная пыльца»... Это мироощущение возникает отчасти потому что автор помнит, «Как время катится в Казани золотое! Времен застоя ... А время катится, как шар по белу свету. Другого нету...», возвращается к высокой придворной музе Тредиаковского и Державина, используя даже прямое цитирование, не боится оплакать империю, в которой родилась и прожила лучшие годы своей жизни:

«Разворошив воспоминаний ворох,
казну времен напрасно не растрочу:
я, выросшая на ее просторах,
ее оплачу.

...

Перебирая времени приметы,

припомню обретенья и утраты,
ее заветы и ее наветы,
ее запреты и ее догматы.

Как под дождем, бежала струек между.
Вокруг галдели, яростно и рьяно,
ее профаны и ее невежды,
ее кумиры и ее тираны.

...

Пережила брожение пустое,
и перепалку, и судьбы прополку,
Но никакие «новые устои»
не сбили с толку».

Здесь автор говорит по существу о чести, но вопрос стоит и о сохранении подлинности пути, о том, что невозможно объяснить лишь общим прошлым, о том, что проявляется во всем в человеке, начиная с его жеста и до манеры письма – назовем это цельностью души, что, как минимум, должно быть понятно во времена победившего «расщепленного сознания». О том, что либо есть в человеке, либо нет, и для меня напрямую связано с талантом и правом на творчество, заслуживающим внимания. Этот существенный, на мой взгляд, момент наиболее интересен в интернациональном контексте поэзии Лидии Григорьевой, поскольку можно предположить, что некоторые народы (не надо запутывать людей, уверяя, что этого понятия боль-

ше не существует) сохранили в себе этот первоначальный свет с Востока, а другие отказались от него в пользу новых ценностей и преимуществ. С одной стороны, «Длится, воли нас лишая и сводя с ума, эта личная большая темная зима...» и однажды приходится «стремительно бежать, не уточняя маршрут, его по карте не сверяя, а по душе», с другой – «Мир разрушен взрывною волною. Беспеременно строит автомат. В дом поспешно вхожу, а за мною благовеинный летит аромат». В этой ситуации сад выступает как «круговая оборона, от внезапной и черной беды», цитадель, крепость – как тут не вспомнить английскую поговорку о «моем доме». Необходимое, пусть зыбкое, но укрытие, в котором все равно будешь мучаться мыслью:

«Так ли легко цвести
в тайне от мира, скрытно?
Можно ли в Сад войти,
если пути не видно?»

Не рукотворна кладь.
Но высока ограда.
Можно ли мир объять,
не выходя из сада?»

Если бы мир, как и прежде, был равен саду, ответ утвердительный. «Говорят, один йог мог» в своем «архаическом лечении» возвращаться к ощущению исходной точки и наго-

ты, однако в том, что мы принимаем за действительность, все иначе:

*«...Я вся уже дрожу,
тут холодно, как в мастерской Матисса.
Я наготой своею дорожу,
она мне обеспечит плоску риса.*

В раю такие мысли не являются. Но если учесть, что во многом «мы то, что о себе воображаем», а тем па-че заняться созданием и разведением собственного сада, какой-то путь все-таки открывается. Лидия Григорьева именно этим созиданием и занимается. В аллегорическом, и в самом прямом смысле. Она – садовник. Не знаю, насколько безумный, но, очевидно, хорошо разбирающийся в растениях и садово-парковом искусстве.

В середине прошлого века «вышла книга Марии Эустахевиц «Поэт в саду». В Англии появилась книга о творчестве Александра Поппа в соотношении с различными искусствами, где большая часть уделена влиянию Поппа на садово-парковое искусство и анализируется собственно проектирование Поппом своего сада в Твикенхеме. Выходили книги о цветах и садах Шекспира и многие другие, касавшиеся взаимоотношения творчества поэта и садово-паркового искусства. Таким образом, тема взаимоотношений поэта и сада

в целом не нова»¹. Об общении и взаимопроникновении поэзии Лидии Григорьевой и ее любимых растений книги еще напишут, скажу только, что у меня цветы (в отличие от стихов) всегда вызывали священный ужас. Монстры, марсиане, мормоны, карбонарии. В цветах вызревает заговор против нас и нашего смысла. Их души состоят из иной субстанции, и она, по-моему, не может коррелировать с нашей. Я буду рад, если ошибаюсь. Мне путь в мир растений закрыт: остается довольствоваться зрением, обонянием, осязанием. Тем более мне интересно безмолвное «население» садов Григорьевой. Откуда мне знать, как «три розы, словно три сестры готовятся к зиме», «глядишь, уже и сбросила одежды толпа тюльпанов. Тот еще народец...», «Каштаны – розовый и белый: как отморозок оробелый в объятьях девочки льняной, неочевидной и больной» – цитировать можно бесконечно, но приведенного достаточно, чтобы понять, что связь между цветами и стихами у Лидии Григорьевой налажена. Она пишет в своем дневнике: «Зимним февральским днем, выйдя после церковной службы из лондонского храма Успения Божьей Матери и Всех Святых, я была поражена буйным цветением неведомого мне растения. Невысокое раскидистое деревце с ярко-зелеными глянцевыми листьями было сплошь покрыто роскошными, пышными багряными цветами. Я не могла оторвать глаз от этого ботаническо-

---

¹ Д. С. Лихачев. «Поэзия садов», к семантике садово-парковых стилей. – Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1982.

го чуда. Так много лет назад я впервые встретилась с одной из разновидностей японской камелии». Так начинаются увлекательные романы.

«Потеря умения «читать» сады как некие иконологические системы и воспринимать их в свете «эстетического климата» эпохи их создания находится в связи с тем, что за последние примерно сто лет резко упали способность иконологических восприятий и элементарные знания традиционных символов и эмблем вообще. Не будем здесь касаться вопроса о том, почему произошло это падение, но одну из причин легко указать: это сокращение классического и теологического образования»². В этой ситуации помогает непосредственное восприятие, как в «Цветомании» Лидии Григорьевой:

розовый сиреневый палевый кирпичный
бирюзовый бежевый огненный стальной
желтый абрикосовый золотой коричневый
родниковый пламенный нежно-голубой

красный апельсиновый рдяный изумрудный
алый фиолетовый темное бордо
карий и лазоревый синий перламутровый
персиковый чайный – вот и я про то

---

² Д. С. Лихачев. «Поэзия садов», к семантике садово-парковых стилей. – Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1982.

искристый зеленый матовый лиловый
пурпурный малиновый цвета буряка
луковый салатный сливовый багровый
сливочный пшеничный цвета молока

лунный серебристый дымчатый карминный
серый антрацитовый цвета янтаря
смоляной вишневый и аквамариновый
а потом рубиновый как сама заря.

Среди бесчисленных определений поэзии можно использовать и такое: это то, что могло присниться Адаму и Еве до их печального изгнания в наш мир. Действительно, что могло им привидеться кроме «изначального света» или отблеска «большого взрыва». Степь? Мне иногда кажется, что они ушли из Эдема сознательно. И я это к тому, что книга Лидии Григорьевой «Сновидение в саду» – в первую очередь о любви, но я не стал касаться этой темы из соображений деликатности, а то и просто из-за внезапно нахлынувшей на меня застенчивости. Вспоминается формула, залетевшая ко мне Бог весть откуда. Не претендующая на полноту, но явно не бессмысленная, она интригует меня не хуже дзенского коана: «Растения – наставники вещей». Ни больше, ни меньше. Наставники. И даже не людей, а вообще вещей. Откуда это? Тоже с Востока? У Станислава Лема была планета, где обитали разумные цветы. Мандельштам о цветах высказался еще ярче: «растение это не скучный побег, а гро-

зовое событие». Думаю, что «Сновидение в саду» должно стать событием в нашей литературе.

В. Месяц

«Слова поставь на полку, где стоят...»

Слова поставь на полку, где стоят
кувшины, вазы, амфоры, бокалы,
чтоб солнце бликовало, и стократ
по выгнутым поверхностям стекало...

Слова нежнее глины и стекла,
и хрусталя, и хрупкого фарфора,
из этого боязнь проистекла
внезапного и быстрого разора.

Надежнее упрятать, утаить,
в наследственный тяжелый шкаф посудный
поставить, и на крепкий ключ закрыть
словесный ряд, сквозной и безрассудный...

18.05.05

Степной псалом

Серебряный век

Все то, что сбылось наяву и во сне,
большая зима замедает извне —
снегами, снегами, снегами...

Серебряный век серебрится в окне,
и светится враз и внутри, и вовне —
стихами, стихами, стихами...

Судьбу изживая вразнос и взахлеб,
на паперти мы не просили на хлеб
в горячих слезах укоризны.

Для тех, кто зажился – забыт и нелеп,
сияют снега на просторах судеб
отчизны, отчизны, отчизны...

Как облачный дым проплывают века,
в заснеженных далях сияет строка
бессмертного русского слова.

На нас упадают большие снега,

словесный сугроб наметая, пока —
и снова, и снова, и снова...

08.12.04

«Вот зимний, пагубный, венозный...»

Вот зимний, пагубный, венозный
уходит морок, озираясь...
День занимается морозный —
там света будущего завязь.

Восходит свет над фирмой частной,
над фермой, фифой кургуазной,
и над Россией безучастной,
и над Европой буржуазной.

Не привыкать, кусая локоть,
с непогрешимостью во взоре,
в морозный день восстав, заплакать
от счастья или же от горя...

11.12.04

Базар

Галдеж многоязыкий. Бормотанье.
Перед толпой жемчужных слов метанье.
Там словно бы кого-то напугали:
кричат ослы и люди, попугаи.

На площадь выйди и промолви слово.
Кричат торговцы, продавцы съестного.
Кричит погонщик, поправляя дышло.
И потому тебя почти не слышно.

Утробный хохот. Лепет простодушный.
Кричит вельможа и холоп ослушный.
Визжит богатый. И вопит бедняга.
Такой базар. Такая передряга.

Обычный гвалт. Обычай человеческий.
Шумит собранье и базарит вече.
Заради славы все вопить горазды.
Гундит неправый. Голосит горластый.

Оранье, вопли, гвалт, галдежь и гомон,
язык обезображен и изломан.
И чтоб не дать совсем словам погибнуть,
придется выйти, возопить и гикнуть.

16.12.05

Поток времен

*«Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!
Грызешь мене измлада, как моль платья, как
ржа сталь!»*

*Григорий Сковорода. Песнь 19-я, сложена в степях
перяславских*

Вот вышел прочь Сковорода,
ушел философ,
он в золотое никуда
направил посох.

Он прах с постолов отряхнул,
войдя в стремнину.
Поток времен его тянул,
толкая в спину.

Он шел вперед, а время вспять
навстречь бежало,
хотел схватить его, но пясть
не удержала.

Поди попробуй, добреди
до вольной дали.
Осколки звездные в груди

его застряли.

Вдали, у лунного моста,
ветрила лопасть,
а дальше только пустота,
провал и пропасть.

Он этот мрак перемогнул,
шагнувши сразу.
И даже глазом не моргнул,
почти ни разу.

Вокруг ковыль да молочай,
полынь да мята.
Ах ты, докучлива печаль,
тоска проклята!

Стальное лунное литьё
с небес струилось.
Все упованье на нее —
на Божью милость.

Тогда, хоть будь совсем слепой,
избегнешь ямы.
Читай апостолов и пой
псалмы медвяны.

Он шел, как цепом молотил,
степную глину,

а ветер гнал его, крутил,
толкал в хребтину.

Тянул печали вервие
по бездорожью.
Из жизни вышел в житие
по слову Божью.

Гляделась посохом клюка,
клубились рядом
и восставали облака
небесным градом.

«Прочь ты, скука, прочь ты, мука,
с дымом, с чадом!»³

21.10.04

---

³ Г. Сковорода. «Сад Божественных песен». Песнь 19-я.

Степной псалом

Он снова дал себе зарок,
да вот стезя влечет...
Степной горячий ветерок,
до сердца пропечет.

Взошел на древние холмы,
где ждут среди травы
медоточивые псалмы,
рычащие, как львы.

Сухие стебли старых слов
горят костра посредь,
ни докопаться до основ,
коснуться не посметь.

И он стократно бьет челом,
и упадает ниц,
пока вокруг степной псалом
звенит, как стая птиц.

От этой истовой мольбы,
от ночи и до дня,
вокруг него стоят столбы
небесного огня.

Он был бы рад глаза смежить
да гложет непокой,
он тщится дух переложить
силлабовой строкой.

Благим огнем озарена
словесная листва,
взошедши из сего зерна,
из семени псалма.

«Не пойду в город богатый.
Я буду в полях жить,
Буду век мой коротати,
где тихо время бежит».⁴

24.10.04

---

⁴ Григорий Сковорода. Песнь 12-я. Из сего зерна: Блаженны нищи духом.

Шостакович

Пятая симфония

Он с веком говорил через губу,
бил в барабаны и дудел в трубу,
он мог от горя и большой беды,
свить в ураган скрипичные лады,
педаль рояля до упора вжать,
чтоб тот не смог от ужаса визжать.

Накинув длиннополое пальто,
он доезжал до дома на авто,
ложился на семейную постель,
а в нем гудели выюга и метель,
и в нем простор необжитой зиял
под тяжестью верблюжьих одеял.

До утренней он так лежал звезды,
но вдруг срывалась музыка с узды,
в нем замысел месился, вызревал!
Он плохо видел – боле узревал:
то ль оркестровый пишется пролог,
то ль падает, как беркут, потолок.

Как выпустить гармонию из рук,
когда внутри еще безмолвен звук,

он сам его пока что не обрел!
Тут Время упадает как орел,
когтит аккорды на глазах у всех.
Аплодисменты. Бешеный успех...

04.11.06

- Первое исполнение было в 1937 году.

Байрон в Венеции

Поэт в путешествии – разве не суть,
что долог, опасен и призрачен путь.
Вот Байрон в Венеции. Пушкин в Крыму.
Тайком пробираются, по одному.

Натягивать долго пришлось удила,
чтоб рысь не догнала и власть не взяла.
Чтоб душу утишить. Чтоб свет повидать.
Чтоб в Греции землю крестьянам отдать.

От крымских степей да в одесский лиман,
где грезы и слезы, любовь и обман,
где стансы, романсы, восточный напев,
где строфы «Онегина» ветер напел.

Венец златоуста – нисколько не мил,
когда за тобою немеряно миль,
житейское море неволит гребцов...
Как схожа недоля великих певцов.

Хрустальная в небе сияет луна.
Вот Байрон в Венеции выпил до дна.
В чернильце пусто. Европа во зле.
И слезы Августы застыли в стекле.

15.11.05

Качели

«... качает черт качели недрогнувшей рукой...»

Ф. Сологуб

Когда ножи точили, дрались, сбивали с ног,
раскачивать качели никто из них не мог.

Когда свой хлам латали, стирали и пекли,
качели улетали далёко от земли.

А если пьяно пели и поднимали визг,
с качелей вниз летели и разбивались вдрызг.

Когда же было тихо и праведно в дому,
могли легко и лихо взлетать по одному.

А если на пределе работала душа,
то в небеса летели, от ужаса визжа.

И это ужас сладкий, и трепетанье жил,
кто до качелей падкий, стократно пережил.

20.05.05

Под грецким орехом

А. Радашкевичу

Тут поэт препирается с веком,
ибо с вечностью накоротке.
Это друг мой под грецким орехом —
в гамаке.

Шелест листьев касается слуха,
и взлетает, как птах в небеса.
Прорастают быстрее бамбука
сокровенные словеса.

В облаках слюдяные прорехи.
Слово страсти на части разъяв,
обнажил он, как в грецком орехе,
мозговую, вселенскую явь.

Вновь в зените зеленое лето.
Вызревает, как плод золотой,
плодотворная праздность поэта
под орехом и под звездой.

29.07.08

Вдвоём

Жизнь до того пустая – аж в голове звенит!
Волчья прошла стая, мощная, как магнит.

В сердце взошла озимь. Время дало сбой.
Грянулись волки оземь – стали, как мы с тобой.

В поле юлит выюга – аж трещит голова.
Нам бы любить друг друга, в волчьи вступив права:

выпростаться на волю за городской окоём!
Воины воют в поле. Каждый из них – вдвоём.

18.07.08

«Как ты живешь, волче?...»

«Как ты живешь, волче?» —
слышатся голоса.
Книги стоят молча,
тихие, как леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.